

misterium

misterium

НЕДЕ НОЙХАУС

НЕНАВИСТНАЯ ФРАЦ

ООО «Издательство «Эксмо»
Москва
2015

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

Н 72

Nele Neuhaus

EINE UNBELIEBTE FRAU

Copyright © by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.

Published in 2009 by List Taschenbuch Verlag

Нойхаус, Неле.

Н 72 Ненавистная фрау / Неле Нойхаус ; [пер. с нем. Т. В. Садовниковой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-699-80065-0

Воскресным августовским утром главный комиссар полиции Хофхайма Оливер фон Боденштайн и его помощница Пия Кирххоф получили на руки сразу два самоубийства. Но лишь одно из них оказалось настоящим: у себя в саду застрелился главный прокурор Франкфурта. А вот молодая красавица Изабель Керстнер умерла не сама, хотя, казалось, все указывало на то, что она бросилась вниз со смотровой башни. По данным экспертизы, перед этим ей ввели смертельную дозу средства для усыпления лошадей. А поскольку Изабель работала в конно-спортивном комплексе, Боденштайн и Кирххоф первым делом поехали туда. Там выяснилось, что погибшую все либо боялись, либо ненавидели. Беспринципная интриганка, Изабель нажила себе множество врагов, и расправиться с ней мог кто угодно. Но никто не мог и представить, какая длинная цепочка преступлений потянется за смертью женщины, которая никого не любила...

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

© Садовникова Т.В., перевод
на русский язык, 2012

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80065-0

*Моим родителям
Бернарду и Кароле Лёвенберг,
а также моему мужу Харальду
посвящаю.
Спасибо за все.*

Воскресенье, 28 августа 2005 года

Пия Кирххоф прислонилась к изгороди выгона. Положив руки на верхнюю жердь, она с удовольствием наблюдала за парой лошадей, которые спокойно брели по влажной траве, щипали ее, набивая полную пасть, и выскивали место, где зелень была особенно сочной.

Капли росы сверкали в лучах восходящего солнца, лоснились шкуры лошадей. Пия с улыбкой смотрела, как обе лошади, опустив головы, шаг за шагом медленно идут рядом по большому выгону с высокими деревьями, и удовлетворенно вздохнула.

Разрыв с Хеннингом, как выяснилось впоследствии, оказался только во благо. Шестнадцать лет Пия прожила во Франкфурте, в старинных домах Вестенда и Заксенхаузена, играя роль супруги доктора Хеннинга Кирххофа. И только теперь, в свои тридцать восемь, оставив шикарные городские апартаменты, она наконец полностью обрела себя. Благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось купить небольшое поместье неподалеку от трассы А66 в направлении Висбадена, где она наслаждалась жизнью рядом со своими любимыми лошадьми. Кабриолет «БМВ» сменился на внедорожник. Свободное время уходило на то, чтобы привести в порядок маленькое хозяйство,

очистить стойла от навоза, уложить в кипы солому и сено и подремонтировать дом.

Вот уже месяц Пия вновь работала по своей прежней профессии в уголовной полиции. То, что она получила место в организованном всего два года назад отделе К-2 дирекции уголовной полиции Хофхайма, было таким же счастливым стечением обстоятельств, как и приобретение поместья Биркенхоф в Унтерлидербахе. Собственно говоря, в этот выходной должен был дежурить ее коллега Франк Бенке, но, когда он предложил подежурить вместо него, Пия не стала отказываться. Было четверть восьмого, когда дежурная диспетчерская служба сообщила ей, что сборщик винограда из Хофхайма полчаса назад обнаружил в своем винограднике труп мужчины. Пия перенесла уборку конюшни на более позднее время, сменила старые джинсы на те, что поновее, завела внедорожник и направилась по вымощенному щебнем выезду из Биркенхофа в сторону автострады. Последний взгляд на лошадей: травы и воды достаточно, кроны деревьев вполне защищают от солнца. Затем она сконцентрировалась на первом собственном деле в своей новой работе.

Еще не было случая, чтобы Козима перед поездкой не забыла в офисе что-нибудь жизненно важное. Поэтому Оливер фон Боденштайн не особенно удивился, когда его жене в половине восьмого утра срочно потребовались накладные на фотооборудование, лежащие в сейфе в офисе фирмы. Уже приготовленный прощальный завтрак был отменен, и расставание с дочерью и собакой состоялось на скорую руку в дверях.

— Где твой брат? — спросила Козима семнадцатилетнюю дочь Розали.

Сурово вырванная из глубокого воскресного сна, с растрепанными волосами и стеклянным взглядом, зевая, она сидела на нижней ступени лестницы. К торопливому отъезду матери в какую-нибудь далекую страну и ее недельному отсутствию дочь привыкла с детства.

– Наверное, в коме где-нибудь валяется. – Девушка пожала плечами. – Очередная шлюха послала его для разнообразия на все четыре стороны. Это его доконало.

Для Розали не было новостью, что ее старший брат часто меняет подружек, и каждое расставание, которое следовало всякий раз после четырех-шести месяцев страстной и душераздирающей любви, уже давно перестало быть темой для дискуссий в семье Боденштайнов.

– Мы должны идти, Козима. – В дверях появился глава семейства. – Если еще что-нибудь случится, самолет улетит в Южную Америку без тебя.

– Береги себя, малышка. – Козима ласково взъерошила дочери волосы. – И не прогуливай занятия, пока меня не будет.

– Ну разумеется! – Розали закатила глаза и поднялась, чтобы обнять мать на прощание. – Ты тоже береги себя. Я здесь справлюсь.

Мать и дочь встретились взглядами, чуть принужденно улыбнулись. Они были очень похожи и действительно хорошо понимали друг друга.

Было сухое и ясное утро уходящего лета. Над Таунусом простиралось голубое безоблачное небо. Солнце растопило тонкую вуаль утреннего тумана. Все обещало теплый погожий день.

– У Лоренца любовные страдания. – Голос Козимы звучал сочувственно, но весело. – Я бы никогда этого не допустила.

Боденштайн бросил взгляд на жену. Козима была привлекательной женщиной с тонкими чертами лица, очаровательными зелеными глазами и волосами медного цвета. Она обладала страстным темпераментом и метким умом, а также отличалась широтой взглядов, хотя зачастую воспринимала мир цинично.

Даже по прошествии многих лет Оливер все еще ощущал себя счастливым человеком. Возможно, это связано с тем, что в силу профессии жены они часто и надолго расставались, а возможно, причиной тому – их практически диаметрально противоположные характеры. Так или иначе, несмотря на заботы, связанные с детьми, и напряженную работу, им удалось сохранить драгоценную искру любви, которая у других пар зачастую быстро исчезает под давлением однообразных будней.

– Я знаю его последнюю подружку? – поинтересовался Боденштайн у супруги.

– По крайней мере, должен был бы знать, – улыбнулась та. – Ее зовут Мона. Невероятная молчунья. Роза утверждает, что она немая. Я тоже не слышала от нее ни слова.

– Для того чтобы расстаться, она все же раскрыла рот.

– Или послала ему эсэмэску, – ухмыльнулась жена. – Сегодня это делается так.

Мыслями Боденштайн был совершенно в другом месте. Каждый раз, когда Козима отправлялась в одну из своих приключенческих киноэкспедиций, его

охватывало отчаянное желание никогда больше ее не отпускать. Он казался себе невестой моряка, которая провожает своего жениха в гавань и смотрит ему вслед, наблюдая, как он отплывает в неизвестное будущее. Они выехали из Фишбаха в направлении Руппертсхайна. Пару лет назад в небольшом местечке Таунус Козима нашла новое помещение для своей киносъёмочной группы, так как после третьего повышения арендной платы офисы во Франкфурте стали очень дорогими. Это был импозантный комплекс зданий, охраняемый законом о защите памятников. Пару лет назад предприимчивый консорциум инвесторов выкупил бывший туберкулезный санаторий, ранее влачивший жалкое существование и постепенно разрушающийся, и преобразовал его в престижный объект под названием «Цауберберг»¹, с частными квартирами, художественными мастерскими, рабочими кабинетами, офисами и рестораном, где арендная плата была пока еще доступной. Не в последнюю очередь по этой причине два года назад Боденштайн легко принял решение добровольно перейти на должность руководителя вновь образованного отдела К-2 Франкфурта в округе Майн-Таунус. В ходе реорганизации гессенской полиции возник самостоятельный отдел по расследованию особо тяжких преступлений при Региональном управлении уголовной полиции в Хофхайме, и главный комиссар Оливер фон Боденштайн не жалел о том, что после двадцати лет жизни в суетливом мегаполисе перебрался в провинцию.

¹ Zaubenberg (нем.) – «волшебная гора». (Здесь и далее прим. перев.)

Правда, у начальника уголовной полиции Хофхайма работы было немногим меньше, чем прежде во Франкфурте, но условия оказались значительно выгоднее.

Боденштайн свернул на свободное парковочное место у «Цауберберга».

– Мы могли бы вместе позавтракать в аэропорту, – предложил он, припарковав свой «БМВ». – До твоей регистрации у нас еще уйма времени.

– Хорошая идея, – улыбнулась Козима и вышла из автомобиля. – Я сейчас вернусь.

Боденштайн тоже вышел на улицу, прислонился к крылу автомобиля и какое-то время наслаждался великолепным видом на Рейн-Майнскую область. В этот момент зажужжал его мобильник.

– Доброе утро, шеф, – раздался голос его новой коллеги Пии Кирххоф. – Простите, что беспокою так рано.

– Нет проблем, – откликнулся он. – Я уже на ногах.

– Это хорошо, у нас будет много работы, – сказала Пия Кирххоф. – Сборщик винограда из Хофхайма сегодня утром обнаружил в своем винограднике труп мужчины. Я уже там. Похоже на суицид.

– Тогда зачем вам нужен я? – спросил Боденштайн.

– Вы знакомы с погибшим. – Пия Кирххоф понизила голос. – Это главный прокурор Йоахим Гарденбах.

– Кто? – Боденштайн выпрямился и почувствовал, как у него по коже пробежали мурашки. – Вы уверены?

Главный прокурор Франкфуртской прокуратуры доктор Йоахим Гарденбах был известнейшим борцом с преступностью. Безжалостный, лишенный чувства юмора противник компромисса, с немалыми поли-

тическими амбициями, он многим внушал страх. Ни для кого не секрет, что в случае победы Христианско-демократического союза на сентябрьских выборах в Бундестаг и связанного с этим переезда нынешнего гессенского министра юстиции в Берлин Гарденбах должен был стать его преемником. Боденштайн пребывал в растерянности. Он знал главного прокурора уже более двадцати лет и во времена работы во Франкфурте постоянно имел дело с этим человеком.

– Да, я уверена, – ответила Пия Кирххоф. – Он покончил с собой, выстрелив себе в рот из охотничьего ружья.

Боденштайн увидел Козиму, быстрым шагом направляющуюся к нему через парковочную площадку. Завтрак в аэропорту, очевидно, тоже отменяется.

– Я буду через полчаса, – сообщил он своей новой коллеге. – Где мне вас найти?..

Когда Боденштайн закончил разговор, Козима с любопытством спросила:

– Что там? Что-нибудь случилось?

– Конечно. – Оливер открыл ей переднюю дверцу. – Главный прокурор Гарденбах застрелился. Наш прощальный завтрак, к сожалению, не состоится.

По дороге в Хофхайм Боденштайн молчал. Ему уже множество раз приходилось бывать на месте преступления. Он видел трупы разной степени обезображенности, во всех стадиях разложения, но всякий раз им овладевало это странное чувство. В который раз Оливер спрашивал себя, станет ли он когда-нибудь менее восприимчивым или просто фаталистом, чтобы больше ничего не чувствовать, направляясь к месту обнаружения трупа.

Пия Кирххоф как раз беседовала с руководителем отдела по обеспечению сохранности следов, когда увидела своего шефа, пробирающегося с застывшим лицом между виноградными опорами. Как всегда, он выглядел безупречно. Рубашка в полоску, галстук, легкий льняной костюм. Ей было чрезвычайно любопытно, как им вместе будет работаться над каким-нибудь делом. До сего момента они едва обменялись десятком фраз.

– Доброе утро, – поздоровалась Пия. – Простите, что испортила вам выходной, но я подумала, будет лучше, если вы сами станете руководить расследованием.

– Доброе утро, – кивнул Боденштайн. – Все в порядке. Это действительно Гарденбах?

Пия была женщиной довольно высокой, сто семьдесят восемь сантиметров, но при разговоре с шефом ей приходилось запрокидывать голову.

– Да, – подтвердила она. – Без сомнений. От его лица, правда, почти ничего не осталось, но у него при себе был бумажник.

Боденштайн направился дальше, чтобы осмотреть страшно изуродованный зарядом дроби труп главного прокурора, уже накрытый простыней. Сотрудники отдела по обеспечению сохранности следов тоже находились здесь, исследуя сантиметр за сантиметром и производя фотосъемку.

– Вы фрау Кирххоф?

Вопрос прозвучал за ее спиной. Пия обернулась и увидела стройную рыжеволосую даму, с любопытством взирающую на нее. Пия кивнула.

– Козима фон Боденштайн. – Женщина улыбну-

лась и подала ей руку. Пия с удивлением протянула руку в ответ.

– Рада познакомиться, – сказала она, задаваясь вопросом, что делает фрау фон Боденштайн в это время на месте преступления.

– Я тоже, – ответила Козима фон Боденштайн. – К сожалению, мне уже пора. Мы ехали в аэропорт, когда вы позвонили. Как думаете, могу я тоже взглянуть на труп?

Пие пришлось сделать усилие, чтобы не уставиться на собеседницу с открытым ртом, как это сделал бы туповатый двенадцатилетний подросток. Жена ее шефа явно не являлась утонченным аристократическим созданием, каким ее описывали.

Козима заметила удивление Пии и весело улыбнулась.

– Я видела уже достаточно трупов, – объяснила она. – Раньше, когда я еще работала на телевидении, это было частью моей повседневной жизни. Окровавленные части тел, разбросанные по автотрассе и лежащие в кювете... Однажды я сама обнаружила голову убитого мотоциклиста после аварии наверху у Фельдберга.

Пия молчала.

– Так я, впрочем, познакомилась со своим будущим мужем, – призналась Козима фон Боденштайн. – В некотором роде у ног самоубийцы, который повесился у себя в конторе. Я была там со съемочной группой, а муж только начал работать в полиции. Это был его первый труп, и его тошнило. Я дала ему «Клинекс».

Завидев идущего навстречу шефа, Пия подавила насмешливую улыбку.

– Ну как? – спросила его жена. – Это действительно Гарденбах?

– К сожалению, да, – ответил Боденштайн и скорчил гримасу. – Ты можешь взять такси до аэропорта? Здесь серьезное дело.

Пия тактично отошла в сторону, чтобы шеф мог проститься с женой. Главный комиссар фон Боденштайн, казавшийся до сего момента столь недоступным и совершенным, тоже всего лишь человек, которого, оказывается, тошнило при виде его первого трупа. Эта слабость сделала его в глазах Пии неожиданно симпатичным.

Вдова главного прокурора Гарденбаха была не в состоянии беседовать с Боденштайном и Пией, после того как они, проявив максимум сочувствия, сообщили ей страшную новость о самоубийстве ее мужа. У них не было времени ждать, когда женщина преодолет первый шок, так как руководство приказало им выехать на новое место, где в этот прекрасный августовский день обнаружили еще один труп. Боденштайн оставил фрау Гарденбах и ее всхлипывающих детей на попечение соседки и их приятеля-врача и отправился с Пией в Таунус. Молодая парочка наткнулась на труп женщины под смотровой башней на вершине Атцельберга между Руппертсхайном и Эппенхайном. По дороге Боденштайн созвонился с директором уголовной полиции Нирхофом, своим непосредственным начальником, сообщил необходимые детали по делу Гарденбаха и попросил его провести назначенную на час дня пресс-конференцию в управлении полиции Франкфурта.

– Я могу и одна поехать в Руппертсхайн, – предложила Пия, когда Боденштайн закончил разговор. – Ведь пресс-конференция определенно важнее...

– Нет-нет, – быстро перебил ее Боденштайн. – Мы с Нирхофом согласовали распределение обязанностей в подобных ситуациях. В отличие от меня, он любит свет рампы и сделает все это с удовольствием. Тем более когда речь идет о таких видных... клиентах.

– Клиентах?

На напряженном лице Боденштайна мелькнуло подобие улыбки:

– Звучит приятнее, чем «труп». Вы так не считаете?

Спустя полчаса Боденштайн и Пия перед самым въездом в Эппенхайн увидели стоящий на обочине патрульный автомобиль. Немного проехав через лес, они выехали на просеку с башней, у подножия которой расположилась еще одна патрульная машина и кабриолет «Мерседес». Боденштайн и Пия вышли из машины.

– А, господин главный комиссар, – поприветствовал их один из присутствовавших – облаченный в униформу крупный мужчина с подбородком Михаэля Шумахера¹ и усыпанным угрями лицом. – Вы могли бы и воздержаться от утренней экскурсии. Тут самоубийство.

– Привет, Шёнинг. – Боденштайн из собственного опыта знал о готовности многих коллег по профессии опрометчиво квалифицировать факт смерти как

¹ Знаменитый немецкий автогонщик, выступавший в соревнованиях «Формула-1».